

Н. А. Гуськов
(СПбГУ)

Шестилавочная улица¹ и ее литературные обитатели

Литературоведы регулярно сталкиваются с проблемой краеведческого комментария. Обилие топонимики, точность или убедительность описаний городского пространства требуют устанавливать адреса изображаемых событий и персонажей для понимания авторского замысла. Это часто невозможно, если писатель приводит мало деталей, но заслуживают внимания и попутные отсылки к репутации конкретного сегмента городского пространства, к расхожим представлениям о нем. Этот аспект краеведения развит пока мало. В большинстве изданий классики, включая самые почтенные, комментаторы ограничиваются общими сведениями о топонимах, не так уж много объясняя пытливому читательскому уму. Особенный интерес представляет комментирование названий, которые часто встречаются, опознаются публикой, явно несут знаковую функцию, но не так известны и очевидны, как Невский проспект или Сенная площадь, подробно охарактеризованные исследователями.

Одна из таких петербургских улиц принадлежит в наше время к центральным, красивым и благоустроенным, идет параллельно Литейному проспекту и с 1935 года носит

¹ Именно на этой улице 60 лет назад родился В. В. Головин, и там же он прочитал свои первые детские книги.

имя Маяковского. Комментаторы обычно довольствуются подобной, явно недостаточной, информацией и перечнем названий: до середины XIX века она официально значилась Средним проспектом Литейной части, соединяя Кирочную и Малую Итальянскую (ныне Жуковского) улицы, но именовалась также Шестилавочной; с 1852-го официально стала Надеждинской. Этимология обоих топонимов обсуждается, но не вполне убедительно.² Очевидно лишь то, что наличие целых шести больших лавок на всем ли протяжении улицы, в одном ли из домов поражало воображение обитателей предместья, лишенного оживленной торговли (до середины XIX века граница города проходила по Фонтанке). Запоминающиеся, но неочевидные топонимы особенно востребованы литературой: вокруг них растет ассоциативное поле, формируется репутация места, которая включается автором в подтекст. Применительно к рассматриваемой улице этот процесс начался во второй трети XIX века. «У Аничковского моста кончались большие постройки, — рисовал облик этой части города в 1830-х годах П. Н. Краснов, — затем только Литейная и Надеждинская, называвшаяся тогда Шестилавочной, были мощены камнем. Дальше за Лиговкой шли грязные пустыри, а там, где теперь стоят наши казармы, находится конная площадь и больница, было моховое болото, поросшее сосновым лесом».³ Еще в 1850-х годах, по словам мемуариста, Шестилавочная, Грязная, Знаменская (ныне — улицы Марата и Восстания) представляли собою ряд заборов.⁴

В комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» (1842) Кочкарев, выясняя у свахи информацию об Агафье Тихоновне, которую сначала именует Брандахлыстовой, а не Купердягиной, наобум прогнозирует и ее адрес: в Шестилавочной улице. «Уж вот нет, — отвечает Фекла, — будет поближе

² Дубин А. С. Улица Маяковского. М.; СПб., 2008. С. 3—4.

³ Краснов П. Н. Атаманская памятка. Краткий очерк истории л.-гв. Атаманского... полка. СПб., 1900. С. 118.

⁴ Скальковский К. А. Из воспоминаний молодости. 1843—1869. СПб., 1906. С. 95.

к Пескам, в Мыльном переулке».⁵ Кочкарев действует наугад, но выбирает не совсем случайный, а до известной степени знаковый вариант: место крайне отдаленное, но хоть сколько-то сносное в отношении бытового комфорта, своего рода рубеж городской цивилизации (невесты из лучшего квартала данная сваха вряд ли предложит, невесты же, проживающие дальше Шестилавочной, вряд ли мыслятся выгодной партией). Вопреки предположению героя, Агафья Тихоновна живет в гораздо менее презентабельном месте. Считается, что Мыльный переулок вымышлен Гоголем.⁶ Можно, однако, предположить, что так и в самом деле назывался недолгое время один из переулков, например, у Преображенских бань, занимавших часть нынешнего дома 8 по 1-й Советской улице, это как раз «поближе к Пескам». Народный топоним мог не прижиться, путаясь с Мытнинской улицей, да и планировка переулков менялась. Болтун Кочкарев пользуется расхожей в быту терминологией. Шестилавочная — название тоже не вполне официальное, просто ему повезло больше, и зафиксировано в письменных источниках оно прежде всего благодаря большой протяженности и населенности этой улицы.

В той же роли, что у Гоголя, она упомянута в водевиле П. И. Григорьева «Жены наши пропали, или Майор *bonvivant*» (1842):

Франтовской. <...> Жена пишет мне, <...> что этот майор ее друг, защитник, и что нынче только произведен.

Толстяков. А! да это, верно, Елисей Маркович Щелкуша? <...>

⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М., 1949. Т. 5. С. 15.

⁶ См., напр., доклад А. В. Холоденко на Пятых открытых слушаниях Института Петербурга (10—11 января 1998) «Петербургский адрес в литературном и эпистолярном наследии Н. В. Гоголя»: <http://konf.x-pdf.ru/19istoriya/332799-1-a-holodenko-peterburgskiy-adres-literaturnom-epistoljarnom-nasledii-gogolya-eti-zametki-voznikli-rezultate-raboti.php>; дата обращения: 10.09.2020.

Ахапкин (*испугавшись, садится*). Щелкуша! Пропал я!..

Франтовской. Скажите, пожалуйста, где он живет? Я должен с ним видаться!

Толстяков. В Шестилавочной улице, в Гусевом переулке, в доме Тупорылова.

Ахапкин (*особо*). Ну, должен быть, хорош гусь.⁷

Реплики Ахапкина, с одной стороны, типичный водевильный каламбур, с другой, саркастическая социальная характеристика персонажа. Адрес несколько раз повторяется на протяжении пьесы. Гусев переулок (ныне Ульяны Громовой) не доходит до Шестилавочной, соединяя Лиговский канал со Знаменской улицей. Вероятно, в то время добраться до него было проще через мощеную Шестилавочную (наиболее заметный ориентир), или же это место было такой глушью, что сочинитель и сам не вполне представлял себе, где оно находится. Согласно адресной книге К. Ниострема, на 1837 год в Гусевом переулке проживали вдовы генерала от инфантерии и надворного советника, супруга чиновника V класса, по одной особе VI (в отставке) и X, две — VII (один отставной), по три — IX, XII, XIII класса. Прочее население — небогатые разночинцы из всяких сословий. Майор (VIII класс) принадлежал бы к элите этого переулка, впрочем, несколько раз упоминается, что он произведен в чин накануне. Положение квартиры объяснимо близостью места службы: рядом размещен Преображенский полк, а как раз на Шестилавочной — артиллерийские и жандармские казармы. Майор из Гусева переулка вряд ли имеет состояние, зато должен отличаться грубостью, присущей нравам этого квартала, но при этом он модник и жуир: отправляется кутить сразу с двумя замужними провинциальными помещицами, прибывшими в столицу, щеголяет французскими словечками (как подчеркнуто в ремарке, произнося их на русский лад). Именно такой

⁷ Григорьев П. И. Театр. СПб., 1869. Т. 4. С. 22—23.

образ зашифрован в реплике Ахапкина. Драматург снабдил героя и именем, соответствующим месту жительства, звучащим простонародно и комично — Елисей Маркович Щелкуша из дома Тупорылова (оно гармонирует с прозванием соседки, Агафьи Тихоновны Брандахлыстовой-Купердягиной). В сравнении с окрестными переулками сама Шестилавочная была гораздо престижнее, населена лицами более состоятельными и почтенными. Однако и она преимущественно представляла собою пристанище нуждающихся, отставных и даже отверженных. Среди многих приезжих в столицу, вынужденных ютиться здесь по недостатку средств, осенью 1835 года в скромном домике Е. Д. Кокушкиной (на месте нынешнего дома № 31/1 на углу 2-го Графского, ныне — Саперного, переулка) поселились родители и сестра А. С. Пушкина (сам он жил на Французской набережной, и это давало повод светским пересудам), мать поэта здесь и умерла.⁸ Шестилавочную, Знаменскую и соседние переулки облюбовали в начале XIX века и сторонники секты скопцов.⁹

Неудивительно, что улица все чаще встречалась в беллетристике 1830—1840-х годов, интересовавшейся средним классом общества. Несмотря на краткость упоминаний, они значимы. В очерке И. И. Панаева «Галерная гавань» (1840) вдова чиновника, редко бывающая в городе, по ошибке пришла с прошением не к начальнику ее покойного мужа, а к его преемнику. Автор противопоставляет как самих вельмож, так и их адреса. Величественный чиновник средних лет со значительной и озабоченной физиономией, орлиным взглядом, блестящим украшением на груди живет в пышно убранном особняке на Литейной, а плешивый старичок, отставной генерал, — где-то в Шестилавочной. Действительно, среди обитателей этой улицы, согласно справочнику Нистрема за 1837 год, — по

⁸ Пушкин в переписке родственников / Публ. В. Враской // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16. С. 794—795.

⁹ Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверх. СПб., 1882. С. 337.

3 служащих и отставных генеральских чинов, причем 4 из них низшего V класса, в то время как на Литейном — 9 генералов, причем ни одного в отставке.

Ф. М. Достоевский в романе «Униженные и оскорбленные» (1861), действие которого происходит во второй половине 1840-х годов, поселил в Шестилавочной Маслобоева, человека сомнительных занятий и неустойчивого материального положения, проходимца и пьяницу, выполняющего за деньги недостойные поручения. Точный адрес этого персонажа, в отличие от многих героев Достоевского, установить нельзя, но описание его жилища, куда повествователь попадает трижды, показательно контрастностью, промежуточностью между благополучием и убожеством: «Он жил в Шестилавочной, в небольшом доме, во флигеле, в довольно неопрятной квартире о трех комнатах, впрочем не бедно меблированных. Виден был даже некоторый достаток и в то же время чрезвычайная нехозяйственность. Мне отворила прехорошенькая девушка лет девятнадцати, очень просто, но очень мило одетая, очень чистенькая <...>. Маслобоев спал на прекрасном, мягком диване, накрытый своею грязною шинелью, с кожаной истертой подушкой в головах».¹⁰

Сходные черты выделены и в рассказе Н. А. Некрасова «Макар Осипович Случайный» (1840), конфликт которого завязывается в одном из, видимо, богатейших домов Шестилавочной, названной переулком. Хотя здесь выведены не самые типичные для этого квартала среда и обстановка, они тоже несут на себе отпечаток двойственности полусвета: «Бал. Комнаты набиты самым пестрым народом. Много различных пехотинцев; кавалеристов, кажется, ни одного (кавалерия — военная элита. — Н. Г.). Это бал, как бы сказать? среднего круга. Именно среднего, хотя вы и встретите тут двух-трех аристократок с мужьями; но они здесь как доказательство того, что общество тянется

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1972. Т. 4. С. 272.

непрерывною цепью через все ступени гражданской жизни, — они, сказать точнее, переходные звенья от высшего круга к среднему. У подъезда три-четыре четверни, а последние экипажи — извозчичьи, кареты парами да дрожки (к середине XIX века в частном столичном быту регламентированное соответствие между количеством лошадей в экипаже и чином ездока не всегда соблюдалось, но оставалось показателем материального положения, как и наличие собственного выезда, об отсутствии которого почти у всех гостей свидетельствует обилие наемных карет парой и одноконных дрожек. — *Н. Г.*) Эти балы бывают довольно скучны, потому что большинство гостей стеснено аристократией, которая обращает на себя общее внимание, зеваает сама от скуки, дует губы и губки, танцует из милости. Здесь нечто вроде вавилонского столпотворения, где одни не понимают языка других. Балы этого рода бывают обыкновенно у людей случайных, ставших, по заслугам или иначе, на видную степень и необходимо имеющих, вследствие того, частые сношения с знатью, наряду с которою поместила их табель о рангах, а не порода. На таких балах всегда бывает ужасно много суматохи: всё что-то невпопад и как-то ненатурально связано».¹¹ Эта социальная характеристика мотивирует поведение всех участников запутанной анекдотической интриги рассказа. Хотя действие периодически переносится на бал или маскарад, адрес маркирован только в завязке.

Интересная параллель — мемуары журналиста и детского писателя В. П. Бурнашева. Начиная карьеру как ловкий сотрудник враждовавших газет Ф. В. Булгарина — Н. И. Греча и М. А. Бестужева-Рюмина, он попал на журфиксы к противнику всех его издателей А. Ф. Воейкову и стал постоянным посетителем этих пятниц. Вспоминая о реальных лицах, он создал ряд эффектных карикатур, воскрешающих знакомые типы 1830—1840-х годов, паноптикум неудачливых или беспринципных сочинителей,

¹¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1983. Т. 7. С. 10.

презираемых собратьями по перу. Таковы не только все гости на пятницах, но и автор, чья репутация у современников была весьма сомнительной, и Воейков, в основании деятельности которого — «желчь, гибкость мнений, назойливость, некоторая доля начитанности и очень много едкого, мефистофельского сарказма и остроумия при отсутствии чувства деликатности и журнальной правды». ¹² Проживание и бывшего «арзамасца» по прозвищу «Дымная печурка», и юного его последователя на Шестилавочной оказывается больше, нежели бытовой факт, оно органично вписано в литературный контекст эпохи. В 1830-м Бурнашев жил «в Басковом переулке, в мезонине деревянного дома против артиллерийских казарм, который тогда принадлежал киверному фабриканту, отставному унтер-офицеру Гловову» ¹³ (на месте дома № 5 или 7, между улицами Короленко и Маяковского). Отметим совпадение: в 1899—1926 годах рядом (Надеждинская, 31), жил еще один одиозный злоязычный фельетонист — В. П. Буренин. Если юный Бурнашев жил в переулке, в том же окружении, что водевильный майор, то Воейков, как и хозяин бала, описанного Некрасовым, принадлежал к высшему кругу Шестилавочной. «Он в то время и до смерти жил в небольшом деревянном и тогда уже ветхом доме, стоявшем <...> на том самом месте, где теперь высятся красивые палаты Главного управления государственного коннозаводства». ¹⁴ Это не совсем точно: нынешний дом № 15 возведен архитектором З. Ф. Краснопевковым в 1835 году, а Воейков умер в 1839-м, следовательно вынужден был переменить квартиру. Нистрем указывает, что к 1837 году поэт жил уже на Сергиевской.

Описание мемуаристом интерьера помогает вообразить жилища ряда литературных персонажей. Квартира

¹² Петербургский старожил В. Б[урнашев]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 9. С. 250.

¹³ Там же. С. 261.

¹⁴ Там же. С. 251.

поэта включала «довольно грязную прихожую, никогда, по-видимому, не убиравшуюся, а поутру в одиннадцатом часу особенно невзрачную, не отличающуюся свежестию и приятностью воздуха», и ряд комнат, «из которых первая была небольшая зальца с желтыми обоями, по-видимому, судя по мебели, служившая столовою и чайною. Вторая комната была огромная, в пять окон, голубая гостиная с оранжевою мебелью. Из этой гостиной видна была зеленая комната вроде милой гостиной и парадного кабинета с библиотекой напоказ. За этим кабинетом-вывеской был, конечно, более уютный приют для занятий. <...> Воейков имел сбоку, вместе с грязною спальней, столько же грязную рабочую комнату, где царил хаос примерный. <...> Те три комнаты, которые были на виду и в которых принимаемы были гости, нельзя сказать, чтобы также отличались голландскою опрятностью, но нельзя также сказать, чтоб уж слишком были нечисты. Они напоминали собой провинциальную жизнь, где при множестве слуг царствуют везде ералаш и отсутствие вкуса и где нет тени надлежащего порядка и опрятности».¹⁵ Еще больше полупровинциальность: неустроенность при искреннем радушии; амбициозная демонстрация роскоши, модного тона при недостатке средств и изящества — заметна в описании журфиксов: «но вечером, особенно по пятницам, в ожидании гостей, комнаты <...> были с некоторым тщанием прибраны и сильно освещены многими кенкетами (напольными светильниками. — Н. Г.), разумеется, и масляными, потому что в то время <...> и понятия не было о керосине, <...>, горели в канделябрах, расставленных по разным столам, калетовские (стеариновые, изобретенные в 1825 году и производившиеся в Москве на фабрике Каллета. — Н. Г.) свечи, начинавшие заменять восковые и сальные. <...> калмыкообразный казачок, намазанный маслом и поопрятнее одетый, разносил довольно часто по комнатам дымящуюся плиту, на которую то и дело подливал лоделаванд (*l'eau de lavande* (*франц.*) — душистая

¹⁵ Там же. С. 281—282.

вода с ароматом лаванды. — Н. Г.), правда, довольно второстепенного качества; а на всех кафельных печах, белых с синими узорами, расставлены были так называемые „монашенки“, курительные свечи на грошах. <...> У Воейкова по обыкновению угощали общество в изобилии чаем со сливками или лимоном, или ромом, *ad libitum* (по желанию (*лат.*) — Н. Г.), с булочками, сухарями, сайками, калачами и различными хлебными печеньями; часов уже в 10—11 подавали горячий и холодный ужин, весьма сносный, с винами ежели не высшего, то порядочного качества». ¹⁶ Видимо, в подобной обстановке проходил описанный Некрасовым бал. Это подтверждается социальным сходством посетителей, оцениваемых по иерархии транспортных средств: «Вот опять восемь, обращенных на Шестилавочную улицу, окон одноэтажного домика ярко освещены, и наружная дверь часто отворяется, чтобы впускать гостей, большею частью приходящих пешком, отчасти приезжающих на извозчиках, поодиночке или вдвоем, всего же меньше в собственных экипажах». ¹⁷ Журфиксы Воейкова скромнее, чем бал тщеславного чиновника средних классов, но и сюда съезжался полусвет, только литературный: по старой памяти мог заглянуть В. А. Жуковский или кн. П. А. Вяземский, но очень редко, основная часть посетителей состояла из «борзописцев, <...> особенно отличались: барон Розен, Лука Якубович, А. Грен, старик Степан Васильевич Руссов, страшный гонитель Полевого», ¹⁸ поэт-самоучка из Рыбацкого Ф. Н. Слепушкин — вплоть до знаменитого графомана графа Д. И. Хвостова и юных любителей словесности, чьих имен не сохранила история, — каждый раз человек 20. Объединяли их между собой и с хозяином не столько взаимная симпатия, уважение, удовольствие от совместного времяпрепровождения, даже не сознание их

¹⁶ Петербургский старожил В. Б[урнашев]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 10. С. 599—600, 605—606.

¹⁷ Там же. № 11. С. 143.

¹⁸ Там же. № 10. С. 606.

общей непризнанности, сколько деловые интересы. Гости совмещали приятное с полезным: «ужин способствовал оживлению беседы, причем сыпались рассказы, новости, сплетни, экспромты (немедленно записываемые Воейковым для напечатания их в первом же номере его периодического издания). В то же время иные, подзадориваемые хозяином-угостителем, писали на ломберных столиках, снабженных не колодами карт, а всеми принадлежностями письма, целые статейки в прозе и стихах. <...> уже так было заведено, что почти никто из пишущей братии не пил <...> и не ел <...> совершенно даром: все что-нибудь да давали, хоть омоним, шараду, энигму, логогриф или тому подобное. К тому же Воейков имел порядочные связи и знакомства, посредством которых очень многим юношам доставлял служебную карьеру более или менее порядочную, и эти юноши отвечали ему массой своих статей, напечатание которых, по их мнению, возносило их прямо на Парнас и на Геликон».¹⁹

Под стать своим гостям был и хозяин — автор прославленной сатиры «Дом сумасшедших», глумившийся надо всем, не признававший авторитетов, рассорившийся со знаменитыми и либеральными друзьями, которые все же печатались в его «Русском инвалиде», фрондировавший своей маргинальностью и даже знакомствами, которые вызывали неприязнь у большинства литераторов: «он мало говорил, по крайней мере я мало от него слышал, о своих прежних знаменитых друзьях, а только постоянно восклицал с каким-то напускным восторгом об отношениях своих к глубокоуважаемому им другу и благодетелю Леонтию Васильевичу Дубельту, бывшему столько лет начальником штаба корпуса жандармов, портреты которого были у него во всех комнатах».²⁰ В изображении Бурнашева Воейков напоминает карикатурного персонажа из водевиля или фельетона 1830—1840-х годов, «неразлучного с своим

¹⁹ Там же. № 10. С. 608.

²⁰ Там же. № 9. С. 251.

громадным, черным, неуклюжим париком, с своими очками в золотой оправе, клюкой с грызимою рукоятью (грыз он также и пальцы, которые приходилось обертывать черной тафтой. — *Н. Г.*), мефистофельской улыбкой и вальяжным орденом св. Владимира 3-й степени на шее, не снимаемым, статута ради, даже в интимном домашнем быту, что имеет свою порядочную долю странности».²¹ Трудно сказать, насколько этот портрет достоверен. Отметим деталь, связанную с литературным контекстом. В общей иерархии орден св. Владимира III степени находился посередине и как потенциально достижимая награда в 30—40-х годах выступал символом чиновничьих амбиций. Этим орденом в одноименной пьесе Гоголя вообразил себя герой, обезумевший от жажды повышения по службе. Все ордена, кроме георгиевского, надевали не постоянно, а лишь в торжественных случаях. Стремление Воейкова продемонстрировать награду, причем не самую высокую, подчеркивает его тщеславие, странное в вольнодумце.

Шестилавочная упомянута в изобилующем топонимами детском рассказе Бурнашева «Поваренок» о ловком посыльном из кондитерской: «по-моему, лучший подарок, который сделали ему, это была книжка с раскрашенными картинками и с поучительными рассказами, которые когда читал Андрюша, то на тот день не таскал пирожков и не выжимал сока из котлет. Эту волшебную книгу подарил ему один почтенный учитель гимназии, к которому в Шестилавочную он часто носил обед, состоявший только из двух блюд».²² Адресная книга не сообщает о квартирах учителей на Шестилавочной, но рядом, в Басковом переулке, 11 (ныне № 14 или 16) жил преподаватель французского языка Клод Францевич Матье. Не вывел ли писатель (кстати, сочинивший для детей подробный путеводитель по столице) своего

²¹ Петербургский старожил В. Б[урнашев]. Мое знакомство с Воейковым в 1830 году и его пятничные литературные собрания // Русский вестник. 1871. № 11. С. 144.

²² *Бурнашев В.* Поваренок // Костюхина М. С. Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII—XIX веков. М., 2008. С. 189.

соседа по переулку? В любом случае, упоминание Шестилавочной выступает в роли социальной характеристики.

В «Макаре Осиповиче Случайном» бедный юноша, ищущий места, долго «ехал от Шестилавочного переулка до Обухова моста, где занимал квартиру»²³ после бала, определившего его судьбу. Подобная, но зеркально перевернутая топографическая оппозиция предстает в повести Достоевского «Двойник» (1846), содержащей аллюзии на рассказ Некрасова. Главный герой, титулярный советник Яков Петрович Голядкин, живет «не в тридесятном царстве каком-нибудь, а в городе Петербурге, в столице, в Шестилавочной улице, в четвертом этаже одного весьма большого, капитального дома, в собственной квартире своей».²⁴ На Фонтанке же, правда, у Измайловского моста, состоялся роковой для этого персонажа бал. Г. А. Федоров, подчеркивая заурядность, типичность Голядкина и его средний чин, справедливо отметил уместность его проживания на Среднем проспекте Литейной части²⁵ (это название, впрочем, не упомянуто и могло быть известно не всем читателям). Добавим, что герой, предстающий в образе то бедного забитого чиновника, то плута, попавшего в случай и сочетающего солидность с пошлостью, воплощает двойственность обстановки, характерную для Шестилавочной. Благодаря «Двойнику», к репутации улицы добавился мистический компонент, что отозвалось в «Странствиях и приключениях Никодима Старшего» (1917) А. Д. Скалдина, где в квартире именно на Надеждинской происходят аномальные явления.

В обширной литературе о Достоевском пока не удалось отыскать точного адреса Голядкина: краеведы от Н. П. Анциферова до Л. Я. Лурье, даже авторы специальных

²³ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 5.

²⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2013. Т. 1. С. 129.

²⁵ Федоров Г. А. Петербург «Двойника» // Федоров Г. А. Московский мир Достоевского: Из истории русской художественной культуры XX в. М., 2004. С. 199.

работ,²⁶ комментаторы в академических изданиях,²⁷ высказываются неопределенно, хотя указания писателя конкретны.

В 1840-х годах, в отличие от нашего времени, на Шестилавочной было всего 2 жилых дома в 4 этажа, они стояли рядом между Басковым переулком и Артиллерийской улицей — по нынешней нумерации № 42 и 44.²⁸ Первый принадлежал богатым купцам Яковлевым, архитектор неизвестен. На официальном сайте Правительства Санкт-Петербурга указан 1846 год постройки.²⁹ Если это правда, то маловероятно, что речь идет об этом доме, ведь писатель читал повесть в ноябре – декабре 1845 года, а 1 февраля 1846-го она была напечатана в «Отечественных записках». Достоевский мог описать и строящееся здание как законченное, но обычно он более точен. Дом № 44 принадлежал надворному советнику Абросимову, для которого военный инженер Л. В. Глама выстроил в 1841 году четырехэтажное здание.³⁰ Этот адрес наиболее вероятен. Автор, в частности, сообщает: «Лестница была темная, сырая и грязная. На всех поворотах нагромождена была бездна всякого житецкого хлама, так что чужой, не бывалый человек, попавши на эту лестницу в темное время, принуждаем был по ней с полчаса путешествовать, рискуя сломать себе ноги и проклиная вместе с лестницей и знакомых своих, неудобно так поселившихся».³¹ Не исключено, что часть этой выходящей на

²⁶ Федоров Г. А. Петербург «Двойника». С. 194—214. В экскурсии Г. Калинина об адресе Голядкина говорится как об очевидном факте, даже сообщено, что дом — на капитальном ремонте, но номер не указан: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/001/033/107.htm>; дата обращения: 10.09.2020.

²⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 1. С. 493; Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Т. 1. С. 730.

²⁸ *Изображение улиц Литейной части с подробным показанием всех казенных и обывательских домов / Сост. приставом Литейной части Цыловым.* СПб., 1846. Таблица 52—53.

²⁹ Наш Санкт-Петербург: <http://gorod.gov.spb.ru/facilities/196193/info/>; дата обращения: 10.09.2020. См. также: Дубин А. С. Указ. соч. С. 238.

³⁰ Там же. С. 241.

³¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Т. 1. С. 166.

двор лестницы сохранилась поныне. Адрес героя уточняя пьяный лакей: «Вот как пойдешь <...> в Шестилавочную, так направо, на лестницу, в четвертый этаж. Вот тут тебе <...> и будет Голядкин». ³² Дома № 42 и 44 не угловые и довольно далеко от больших улиц, по которым попадали в Шестилавочную, зато при повороте на нее они, несомненно, были видны отовсюду, возвышаясь над низенькими постройками. Достоевский не любил доходных домов и уже в первых произведениях описывал это нововведение цивилизации как уродливое. Похоже, ради нагнетания мрачности и взята контрастная картина, запоминающаяся тем, кто бывал в этой части города: гигантский «ноев ковчег», нависающий над пейзажем предместья. В романе «Идиот» (1868) писатель вернулся к этому образу, введя сцену погони возле огромного доходного дома именно на Шестилавочной, по его лестнице, и описав нищую комнату, где с женой и младенцем ютится провинциальный медик, потерявший место и тщетно хлопочущий о новом. ³³

К этому времени улица уже сменила название, но прежнее бытовало еще долго, что подтверждают художественные тексты. В «Идиоте» ее по-старому называет юный Ипполит Терентьев. В «Воительнице» (1866) Н. С. Лескова в одной фразе объединены расположенные друг против друга по разные стороны Невского и уже переименованные Шестилавочная и Грязная (в 1856-м стала Николаевской). ³⁴ Имя «Надеждинская» приживалось плохо — не очень верится в то, что оно происходит, как считается, от надежд пациенток Александринской женской больницы (ныне Институт нейрохирургии им. А. Л. Поленова) и Родовспомогательного госпиталя (ныне Родильный дом им. В. Ф. Снегирева). ³⁵ Убедительнее слухи о том, что оно дано по приказу обер-полицеймейстера А. П. Галахова

³² Там же. С. 207.

³³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 8. С. 329—330.

³⁴ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 1. М., 1956. С. 159.

³⁵ Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? СПб., 1996. С. 157.

в честь его любовницы, балерины Надежды Алексеевой.³⁶ Эта версия отражена в «Письме в провинцию старого юноши» (1872) Л. К. Панютина. Бывший нигилист рассказывает о возвращении в начале 1870-х годов на родину:

— Извозчик, — крикнул я лихачу, — в Шестилавочную!
— Такой улицы не знаю, барин, где это?

Тогда только вспомнил я, что родная моя улица переименована в Надеждинскую, как говорили, в честь какой-то танцовщицы (пикантность намека еще и в том, что рассказчик ненавидит полицию. — Н. Г.). Но прежде, чем я успел поправить свою забывчивость, обязательный городской поспешил объяснить извозчику, в чем дело. Опять новое «знамение времени»! Подобная любезность полицейского стража была совершенно немыслима в начале шестидесятых годов. <...>

С трепетом сердца позвонил я у одной знакомой двери. Все вокруг было, как и десять лет назад. Те же скользкие плиты на лестнице, тот же запах, даже разбитое стекло в окне до сих пор не вставлено.³⁷

В восприятии рассказчика его родная улица не изменилась, в отличие от ее имени и поведения ее жителей.

Многим современникам перемены казались значительными. Поворот к ним угадал уже Достоевский. Скоро скромная улица, внезапное появление на которой доходных домов он изобразил, стала и в жизни, и в литературе одним из символов стремительного превращения российской столицы на глазах одного поколения в деловой центр европейского типа. Над этим зло иронизировал Щедрин в «Современной идиллии»:

...мы незаметно дошли до Невского, причем я не преминул обратиться всем корпусом к дебаркадеру Николаевской железной дороги и произнес:

³⁶ Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2001. С. 249.

³⁷ Панютин Л. Рассказы Нила Адмирари. СПб., 1872. Т. 1. С. 288—289.

— А вот это — результат пытливости девятнадцатого века! Затем, дойдя до Надеждинской улицы, я сказал:

— Эта улица прежде Шестилавочною называлась и шла от Кирочной только до Итальянской, а теперь до Невского ее продолжили. И это тоже результат пытливости девятнадцатого века!³⁸

В самом деле, после соединения в 1858 году с Невским Надеждинская интенсивно застраивалась большими зданиями в модном вкусе, с новейшими достижениями бытового комфорта. Из глухого тупика она превратилась в престижное пристанище деятелей эпохи реформ. Обновление улицы совпало с началом великих реформ, с ними гармонировало и ее новое имя, быстро утратившее этимологию. Начало этого процесса отражено в «Неоконченной повести» (1888) А. Н. Апухтина. В марте 1855 года, в самом начале перемен, товарищ по лицу помог главному герою переехать «на собственную квартиру в Шестилавочной улице, в нижнем этаже большого дома, в котором сам Миллер с матерью и сестрой занимал бельэтаж. Войдя в свое новое жилище, Угаров сразу почувствовал, что жить ему в нем будет невесело. Все было ново и чисто, но как-то безвкусно и уныло. Комнат было больше, чем нужно, но не было ни одного уютного уголка. <...> Особенно недоволен оказался Угаров своей спальней. Это была узкая, косая комната, с окнами, выходившими на длинный и грязный двор».³⁹ Пренебрежительно отзывается о новом жилище и слуга: «Какая же это барская квартира? Да у нас при покойном барине <...> в таких флигелях приказчики живали».⁴⁰ Недавно, видимо, построенное и не предназначенное для светских особ здание на Шестилавочной противостоит в повести и Морской с рестораном Дюкро (Дюссо), с особняками

³⁸ *Салтыков-Шедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1973. Т. 15. Кн. 1. С. 16.

³⁹ *Апухтин А. Н.* Неоконченная повесть // Вестник Европы. 1896. № 4. С. 683.

⁴⁰ Там же.

старых вельмож, и Литейному, где поселились богатые аристократы из провинции, как дом на окраине, но уже не убогой. Покидая столицу, разочарованный герой оставляет квартиру Миллеру, перспективному чиновнику нового склада. Тот успешно делает карьеру, готовится к свадьбе, планирует ремонт и, можно не сомневаться, прекрасно обоснуется на Надеждинской. Через двадцать лет подобные персонажи станут главными обитателями этих мест. Молчалин в повести Щедрина (1874) решил: если не удастся договориться с адвокатами Балалайкиным и Подковырником-Клещом, «пойду по Надеждинской, либо по переулкам, стану на окна поглядывать, не заманивает ли кто».⁴¹ Намерение героя очень разумно: не считая мелких стряпчих, на Надеждинской, согласно адресной книге 1867 года, жили В. Д. Спасович, А. Н. Турчанинов, К. Ф. Хартулари, В. П. Гаевский. Интерьер квартир таких видных адвокатов не напоминал обстановку жилищ Голядкиных и Воейковых. Сравни рассказ Н. Н. Берберовой о чуть более поздних временах: «Ляля Зейлигер была дочерью известного петербургского адвоката, члена кадетской партии, в доме которого бывал весь цвет петербургской интеллигенции, политической и артистической. В огромной квартире на Надеждинской улице мы обыкновенно играли в кабинете Филиппа Николаевича, — когда его не бывало дома, шесть окон смотрели на улицу. Стены были уставлены книгами, на толстых коврах лежали медвежьи шкуры, и мы строили из них пещеры».⁴² Шестилавочная преобразилась внешне, сменила имя и репутацию, с новыми коннотациями вошла в литературу конца XIX века. Это, впрочем, уже комментарий к упоминаниям Надеждинской улицы.

⁴¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. Т. 11. С. 48.

⁴² *Берберова Н. Н.* Курсив мой. М., 2017. С. 47.